

# ВЫБИРАЙ

**ЗАКАЗАТЬ ОДИН РАЗ  
ПИЦЦУ СЕБЕ**

**или**

*подарить  
прекрасное  
настроение  
маме*



**КОМСОМОЛЬСКАЯ  
ПРАВДА**

**ПОДПИШИ РОДИТЕЛЕЙ  
НА ЛЮБИМУЮ ГАЗЕТУ  
В ОДИН КЛИК!**

**СДЕЛАЙ  
БЛИЗКИХ  
СЧАСТЛИВЕЕ**



## Татьяна Устинова — первая среди лучших!

### Читайте детективные романы:

Мой личный враг  
Большое зло и мелкие пакости  
Хроника гнусных времен  
Одна тень на двоих  
Подруга особого назначения  
Развод и девичья фамилия  
Персональный ангел  
Пороки и их поклонники  
Миф об идеальном мужчине  
Мой генерал  
Первое правило королевы  
Седьмое небо  
Запасной инстинкт  
Богиня прайм-тайма  
Олигарх с Большой Медведицы  
Близкие люди  
Закон обратного волшебства  
Дом-фантом в приданое  
Саквояж со светлым будущим  
Пять шагов по облакам  
Гений пустого места  
Отель последней надежды  
Колодец забытых желаний  
От первого до последнего слова  
Жизнь, по слухам, одна!  
Там, где нас нет  
Третий четверг ноября  
Тверская, 8  
На одном дыхании!  
Всегда говори «Всегда»  
С небес на землю  
Неразрезанные страницы  
Один день, одна ночь  
Сразу после сотворения мира  
Где-то на краю света  
Сто лет пути  
Ковчег Марка  
Чудны дела твои, Господи!  
Шекспир мне друг, но истина дороже  
Вселенский заговор  
Вечное свидание  
Ждите неожиданного  
Селфи с судьбой  
Земное притяжение  
Призрак Канта  
Звезды и Лисы  
Серьга Артемиды

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

*Татьяна*  
**УСТИНОВА**

**Богиня**

**прайм-тайма**



МОСКВА

2 0 2 0

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
У80

**ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!**

**МЫ В СОЦСЕТЯХ:**

[www.eksmo.ru](http://www.eksmo.ru)

 **vmirefiction**

 **read\_action**

Оформление серии *А. Старикова*

Редактор серии *А. Антонова*

Под редакцией *О. Рубис*

**Устинова, Татьяна Витальевна.**

У80      Богиня прайм-тайма / Татьяна Устинова. —  
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-109877-3

Афган, дикая страна, странная война... Корреспонденты Российского телевидения Ольга Шелестова и Никита Беляев в тот день выехали снимать передовые позиции. На обратной дороге Ольга пересела в машину к коллегам-журналистам, чтобы успеть к эфиру, и бесследно исчезла вместе с ними. В гостиничном номере царил разгром, значит, это не случайное похищение?.. Беляев вернулся в Москву один. Коллеги смотрели косо: как случилось, что он уцелел? Его шеф и Ольгин муж, директор информационных программ канала Бахрушин, вынужден довериться Беляеву. Стало известно, что недавно тайно сняли на видео неуловимого лидера талибов Акбара. Сведения пришли из Парижа, а накануне похищения Ольга получила оттуда посылку, где среди продуктов была и кассета. Потом она пропала. Бахрушин летит в Кабул на поиски жены, а Беляев знакомится с новой ведущей новостей красавицей Алиной Храбровой. Он бросается ей на выручку — ее грозятся убить, если она не уберется с канала...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109877-3



Есть бомбежка, нет связи. Нет бомбежки, есть связь. Может быть, есть.

Она нацепила темные очки и осторожно выглянула в коридор. Там было пусто, и она проворно заперла свою дверь и постучалась в соседний номер. Произошло короткое шевеление, дверь распахнулась, и волосатая рука, схватив ее за майку, втянула внутрь так стремительно, что она чуть не упала.

Паника поднялась из живота и залила голову и горло. Стало нечем дышать, и сердце, кажется, разорвалось.

— Ты что? Обезумела? — спросил кто-то рядом. — Сколько раз тебе говорил, я сам зайду! Что ты шляешься, черт побери!..

Ольга потеряла стиснутое горло, подышала открытым ртом. Паника, как удав, чуть расслабила кольца, но совсем не отпустила. Впрочем, они все время жили, объятые этой паникой со всех сторон. От нее спасала только работа, которой, как назло, в последнее время было мало.

Есть бомбежка, нет работы. Нет бомбежки, есть работа. Да и то не всегда.

— Ники, — сказала Ольга и откашлялась, — ты меня напугал.

— Иди на фиг, — предложил оператор и ушел в крохотную комнатку, точную копию ее собственной, сел там на кровать и стал обуваться, вид у него был сердитый. Из-за майки вывалился крест и качался на широкой цепочке у него под носом. Он сгреб его и закинул обратно. Шнурки на армейских ботинках были непомерной длины, и Ники пыхтел, старательно и замысловато завязывая.

Он сам придумал себе это идиотское имя, похожее на кличку собаки колли. Его звали Никита Беляев, вполне прозаично и очень по-русски. Свое прозаичное русское имя он почему-то терпеть не мог, особенно после «выхода на экраны» одноименного сериала с белокурой

бестией в главной роли, и долго придумывал, как бы его изменить на иностранный манер. И придумал.

Ники, ужас какой-то!..

Ольга подошла к окну и, чуть раздвинув полоски древних жалюзи, посмотрела на улицу. Под козырьком гостиницы стоял БТР, и еще один за желтым углом соседнего дома. Бородатые афганцы в платках в точно таких же ботинках и камуфляже, как у ее оператора, сидели вокруг БТР на корточках.

— Когда же это кончится, твою мать... — бормотал у нее за спиной Ники, прилаживая шнурки.

Ольга отпустила полоски и вытерла о джинсы пыльные пальцы. Пыль была везде — на мебели, простынях, подоконниках, в ушах, в горле, в волосах. Синий кофр «Бетакама» казался серым из-за нее. У Ники в глазах появлялось страдание, когда он смотрел на кофр. Камеру он жалел больше, чем себя, — как все высококлассные операторы.

— У тебя осталась вода?

— Одна канистра и еще чуть-чуть. А кофе есть?

Ники кивнул на тумбочку, и Ольга посмотрела. Кофе в банке был, даже довольно много, и она чуть-чуть воспрянула духом.

— Только света с утра не было, — сказал Ники и почесал затылок, а потом живот под майкой. Они все время чесались, как вшивые. — Как его кипятить без электричества?

Ни на что не надеясь, Ольга повернула резиновый тумблер древнего советского выключателя — все здесь было советским или американским, даже выключатели, — и голая лампочка под потолком засветилась тусклым желтым светом, нервно задрожала тоненькая проволочка внутри стеклянной колбы.

— Дали! — восхитился Ники. — Ну, не иначе сегодня праздник у них большой. Ты не знаешь, что они сегодня отмечают?

Он поднялся с кровати, потопал ботинками, прове-

ря, хорошо ли они наделись и надежно ли зашнурованы, — иногда от этого зависела жизнь.

Можешь бежать, останешься в живых. Не можешь, останешься лежать на чужой желтой пыльной земле. Боб Фелтон погиб, потому что не мог бежать так быстро, как надо, — у них на глазах упал лицом вперед, и камера отлетела в сторону, подпрыгнула и повалилась набок, как будто тоже подстреленная, и Би-би-си потом долго пыталась получить его тело, но так и не получила. Известно почему афганцы решили его не отдавать, и Боб навсегда остался здесь — в твердой, как камень, растрескавшейся желтой земле. Впрочем, если похоронили в земле, значит, ему крупно повезло.

Боб говорил, что больше всего на свете ему хочется английского пива. Просто пива и больше ничего. И еще он говорил про свою лошадь, только Ольга позабыла ее имя, какое-то замечательное имя, то ли Изумруд, то ли Кристалл. У него был титул — герцог, кажется, или граф, — и всех это почему-то очень веселило, и его самого тоже.

«Британия потеряла одного из своих лучших сыновей», — печально констатировал ведущий новостей Би-би-си в программе, посвященной операции «Буря в горах», — и все. Жизнь и смерть Боба Фелтона больше никого не интересовали.

Ну и что? Погиб при исполнении служебных обязанностей. Это просто такая работа.

— Я принесу воды, а ты запри за мной дверь, — распорядился Ники, перестав чесаться. — Стой и слушай. Я постучу три раза, тогда откроешь.

— У тебя паранойя.

— Я жить хочу. Меня Бахрушин на проходной повесит, если с тобой что-нибудь...

— Ладно, заткнись, — перебила Ольга довольно резко. О Бахрушине думать было никак нельзя. У нее почти все время получалось не думать и только иногда ничего не выходило.

— Давай!

Она кинула ему ключи, он поймал, выскочил за дверь и пропал. Ольга задвинула хлипкую щеколду — как будто это сможет их от чего-то уберечь! — и прислушалась. В коридоре было тихо. Под окном хохотали давешние афганцы. Пахло гарью вчерашней бомбежки — дождь прибил дым к земле, сегодня трудно будет дышать.

Впрочем, здесь всегда трудно дышать.

Вернулся Ники, стукнул три раза, и она ему открыла.

— Давай быстрее, а то свет выключат. Может, мне пока побриться?..

Ольга налила воды из канистры в литровую банку — каждому по полторы кружки, — сунула кипяtilьник и оценивающе посмотрела на Ники. Он весь зарос светлой щетиной, белые, сильно выгоревшие, отросшие кудри торчали в разные стороны. В обычной жизни ее оператор был почти наголо брит, может, поэтому сейчас выглядел как-то особенно дико.

— Побрейся, — решила она, — только все равно это как-то... неконструктивно.

— Почему неконструктивно? — спросил Ники из ванной. В трубах засипело и затряслось, словно кто-то пытался выдрать их из пазов. Ники негромко выругался.

— Завтра опять зарастешь, а бриться будет негде.

— Да ла-адно! Завтра будет завтра!

— Телефон не работает. — Ольга смотрела, как крохотные воздушные пузырьки облепляют спираль кипяtilьника, отрываются и поднимаются наружу.

— Подумаешь, бином Ньютона, — пробормотал Ники невнятно, наверное, от того, что рассматривал в крохотном зеркальце свою небритую шею. — Он уже сто лет не работает.

— Не сто лет, а десять дней.

Десять дней связи не было — кроме спутника, кото-

рый время от времени выходил из тени, и тогда им удалось передать очередной сюжет. В корпункте еще до войны обещали специальный спутниковый телефон и надули, конечно. То есть дали, но с этой линией моментально что-то случилось, наверное, так и было задумано — в начале войны с корреспондентскими линиями обязательно что-нибудь случается. И цензура, цензура, твою мать!.. Чего только они не делали, чтобы ее обойти, чтобы снять хоть что-то, отличное от «официальной точки зрения», на какие ухищрения ни пускались! Особенно старались сиэнэновцы, которым «официальная точка» совсем не годилась. Время от времени их высылали, и появлялись следующие. Ольга удивлялась — сколько у них там желающих снимать войну!

Пузырьки от спирали кипятильника отрывались все быстрее, всплывали и лопались. Ольга наблюдала.

— Ну чего? Еще не кипит?

Ники хотелось кофе. Еще ему хотелось яичницы с сосиской и свежим черным хлебом. Помидора хотелось невыносимо. А еще помыться и спать — несколько суток подряд, и чтобы не бомбили.

Он протиснулся мимо столика, на котором закипала вода, раздвинул полоски жалюзи, как давеча Ольга, и посмотрел на улицу. Гор не было видно, сплошные облака. Даже соседнего дома, наполовину снесенного «скастом», не разглядеть.

Дождь, туман, запах гари, арабская речь.

Ему вдруг показалось, что среди удручающе одинаковых бородатых лиц он увидел знакомое, которому вовсе не следовало там находиться, и это было странно.

— Оль!

— Что?..

— Подойди! Быстро только!

Она подошла и оказалась у него за плечом. Он слышал, как она дышит, легко и редко. Тонкие пальцы взяли его за майку — он скосил глаза. Розовые женские

пальцы на его черной пыльной майке в белых разводах от пота.

Будь оно все проклято.

— Что, Ники?

— Вон справа, видишь, на броне?

Она еще придвинулась.

— Вижу. И кто это?

— Не Масуд ли, часом?

Ольга сбоку посмотрела на Ники, очень близко, но он выдержал характер и поворачиваться не стал — не заметил как бы! — и она опять глянула на улицу.

Человек в камуфляже, в распушенной пестрой козынке, с «калашниковым», болтавшимся на бедре — он все время придерживал его рукой, — был похож и не похож на корреспондента агентства «Аль Джазира».

— Ну чего? Он? Не он?

Ольга пожала плечами:

— Черт его знает. Может, и он.

Ники отпустил жалюзи и вытер о штаны пыльные пальцы.

— Так мы с ним на север поедем? — осведомился он мрачно. — И где тогда наш «калаш»? Или что? У него есть, а у нас нет? Так нечестно.

— Это точно, — пробормотала Ольга и посмотрела на банку. Вода в ней кипела белым ключом. Пусть покипит пять минут — на всякий случай.

— Надо этих найти, из «Рейтера», которые с нами едут.

— Найдем.

— А есть чего будем?

— Чего-чего!.. Консервы!

— Вот они у меня где, эти консервы! — злобно сказал Ники и попил себя по свежесбритой шее. Лицо от лба до скул было сильно загорелым, ниже тоже загорело, но меньше, от этого казалось, что верхняя часть лица у него намного грязнее нижней. Впрочем, Ники, наверное, не тратил драгоценную воду на умывание. Ку-

пить можно было только кока-колу, которой умыться нельзя, да и пить опасно.

— С какой точки снимаем?

— Да ни с какой! Разве они дадут снимать откуда-нибудь!

— Значит, опять дворец?

Съемки разрешались только на фоне разбомбленного президентского дворца, очень живописно, если не каждый день.

— Опять, Ники. Что ты спрашиваешь, когда сам все знаешь!

— Я знаю все, — подтвердил оператор и выдернул желтый шнур кипятильника. — У меня галеты есть. Будешь?

— Буду.

Некоторое время они молча пили кофе и хрустели галетами, как две собаки улучшенным кормом «Чаппи».

Ольга страхнула крошки с колен и заглянула в свою кружку. Кофе удручающе быстро кончался. Ники наблюдал за ней.

— И как это тебя Бахрушин отпустил?.. — вдруг задумчиво спросил он и поболтал в кружке ложкой. — Был бы я Бахрушин, ни за что бы не отпустил.

— Вот потому ты — не он, Ники!

— Это точно.

В дверь загрохотали, так что вздрогнули древние жалюзи на окнах, и паника приналегла на грудь и горло, сжала пыльные холодные кольца.

Впрочем, те, кто на прошлой неделе увез из гостиницы американскую девушку-фотографа, которую с тех пор никто не видел, не стали бы стучать.

Ники преувеличенно осторожно поставил на стол свою кружку, чтобы не расплескать ни капли драгоценного кофе, и шагнул к двери, кося напряженным глазом. В кулаке у него что-то блеснуло, и Ольга вдруг поняла, что это... нож.

Господи Иисусе!..

— Ники!..

— Ти-хо! — одними губами приказал он, бесшумно прыгнул и прижался спиной к стене. В дверь опять постучали, правда, немного тише. Ники мотнул головой, что означало — открывай! — и Ольга отодвинула щеколду.

Все его прыжки и ужимки напоминали боевик под названием «Спецназ» — там тоже так прыгали и гримасничали.

В коридоре произошло какое-то шевеление. Потом осторожный голос сказал негромко:

— Мужики! Вы здесь?!

Оператор молниеносно выбросил руку с ножом, и как давеча Ольгу, схватил посетителя за майку и втащил внутрь. Лезвие тускло сверкнуло у самой щеки незваного гостя.

— Твою мать!..

Человек ввалился в комнату головой вперед, сделал несколько торопливых шагов, чтобы не упасть, и почти уткнулся носом в стол, на котором стояла кружка. Ничуть не обескураженный бесцеремонным обращением, он повел носом, живо понюхал, схватил кружку и сделал большой глоток.

— Поставь на место!

— Да ладно!

— Поставь, тебе говорят!

Посетитель еще раз торопливо хлебнул, утер губы и сказал насмешливо:

— Ники, ты жадина! Вот Оленька не такая! Ведь правда? Я знаю, что ты ничего не пожалеешь для друга. Для своего старого друга! А, Оленька?

— Я тоже жадина, — буркнула Ольга, забрала со стола кружку и сунула ее Ники. Борейко и без кофе обойдется.

Все знали, что Толя каким-то волшебным образом умел добыть все, что угодно, даже в осажденном Кабуле. Поговаривали о его связях с контрабандистами и тали-

бами, с узбеками и пакистанцами — впрочем, журналисты всегда склонны усложнять, выдумывать, «играть в детектив». Может, он просто оборотистый и ловкий, этот самый Толя Борейко, корреспондент агентства «Интерфакс».

— А у меня телефон сдох, — поделился Толя, покопавшись на Ники и усмехнулся. Оператор даже не хлебал, а словно лакал кофе, торопливо, словно боялся, что у него отнимут драгоценную кружку. Толе совсем не хотелось кофе — он мог пить его сколько угодно.

— У всех телефоны сдохли, — пробормотала Ольга.

Афганцы все хохотали под окнами. Они или хохотали, или стреляли, или кричали гортанными, как будто раздраженными голосами — казалось, что вот-вот подерутся. Ольга никогда не видела, чтобы они были спокойны.

— Так у меня спутниковый! Детям такие в руки не дают.

— Дети — это мы?

— Оленька, что ты там высматриваешь, за окошком? Вот лично я ничего хорошего там никогда не видал. Посмотрела бы на меня, лапонька.

— Нет, спасибо, Толь, я лучше в окошко.

— Тебе нравятся бородатые мужчины в платках?

Человек в пестрой косынке, похожий на корреспондента «Аль Джазиры», куда-то делся с БТР.

— Ники, а что это у тебя с мордой?

— В каком смысле?

— Грязная вроде.

Ники вытянул шею и уставился на свое отражение в мутной полировке гардероба. Дверь, словно следуя за его взглядом, вдруг приотворилась с медленным скрипом, и Ники отшатнулся.

Паника, словно атакующая змея, выметнулась из гардероба и зашаталась перед их лицами, разинув отвратительную пасть.

Ольга почувствовала, как по виску проползла капля пота.

— Вы чего? — оторопело спросил Толя Борейко. — Или у вас тут привидения... обитают?

— Черт знает, кто тут обитает, — пробормотал Ники, прицелился и ногой захлопнул дверцу гардероба. Паника пропала за ней, будто ее и не было вовсе.

— Ну, вы даете. — Толя даже головой покрутил в знак того, что несказанно удивлен тем, как они «дают». — Нервные все какие-то стали.

Ники молчал. Ему было стыдно, что он так перепугался. И стыдно, что Ольга это видела.

С нервами на войне дело вообще обстоит не слишком хорошо, прав Борейко. Как там это называется, в другой жизни, — ПТС?.. ПСС?.. — ужасная штука, замучившая американцев после войны во Вьетнаме! В кино это выглядело очень трагично — небритые парни, на костылях или без, проводящие все свое время в кабаках и публичных домах, сбивающиеся в стаи или пропадающие поодиночке. Кажется, это называлось «сломаться». «Он сломался после Сайгона» — произносить следует низким, сочувствующим голосом, отводя глаза.

Ники не хотелось «ломаться», но нервы были и впрямь на пределе.

— Вчера конвой пришел, — сообщил Толя. Покопался двумя пальцами в хрустящем пакете, на дне которого болтались остатки галет, выудил какой-то обломок и решительно отправил в рот. — Из Ходжа-Багаутдина. Девчонки красивые приехали.

— Какие девчонки? — встрепенулся Ники, очень озабоченный поддержанием собственного имиджа Казановы. В Кабуле этот имидж пропадал зря и, можно сказать, уже почти совсем пропал.

— Француженки, — Толя осмотрел свои пальцы и аккуратно отряхнул с ладоней крошки.

Ники огорчился:

— Да от них никакого толку!

— Конечно, никакого.

— А чего ты тогда говоришь?!